

Моск. правда. - 2001. - 4 дек. - с. 3

Слава и слезы ЧУДНОЙ БАБЫ

Многие годы по всей России идут спектакли по пьесам Нины Саду́р. Об этом драматурге я слышала много: кто-то говорил, что она в свои годы сумела остаться сушим ребенком, чистым, открытым и обидчивым. Кто-то рассказывает, что она - человек непредсказуемый и любит эпатажировать публику. Режиссер Марк Захаров, поставив в «Ленкоме» «Мистификацию» по ее пьесе «Брат мой Чичиков», назвал Саду́р «живым классиком».
...Иногда, чтобы узнать человека, надо уехать с ним на далекие Соловки. У меня до сих пор стоит перед глазами картинка: в лесу над большим муравейником задумчиво склонилась Нина. Кто-то из нашей команды, приехавшей на фестиваль «Созвездие», с иронией спрашивает: «Ну, и как там муравьи?» Она совершенно серьезно отвечает: «Рос-кошные». У нее свои отношения с муравьями и свои критерии «роскошности». Она жизнь воспринимает чуть иначе, чем окружающие.

- Нина, когда вы впервые взяли за перо?

- В самом раннем детстве. Моя мама была убеждена, что я стану писателем. В то время литература хорошая была у нас в стране дефицитом, книг не достать, но мама где-то все это доставала.

Я жила среди книг и фантастических, выдуманных мною приключений. И еще я очень любила природу, хотела стать биологом, зоологом. Однажды стала дописывать «Приключения капитана Гранта». Но мама сказала, что это - плагиат. Я помню, как сильно обиделась. Ну нельзя ребенку говорить такие вещи! Многие начинают свое творчество с того, что пересказывают чужие книги.

- Какова была ваша «питательная среда»?

- Я жила среди удивительных личностей. Дружила с людьми, которые были большими поэтами. Я была младше их на четыре года и росла на их поэзии. Новосибирск - это город не только ученых, как принято считать.

- В Питере была «Башня» Вячеслава Иванова, где собирались поэты Серебряного века. А в Новосибирске?

- Нашей «Башней» были дворнички, сторожки и бойлерные. Мои друзья работали там гномами. И с тех пор у меня неизъяснимая нежность к сторожкам, к каким-то таким запрещенным местам, к полуподвальщикам. Там шла настоящая жизнь. Сторож, дешевое вино, общее пространство мысли, пачки сигарет - я тогда еще не курила, но нужно было соответствовать. Джинса, свитерок, длинная коса, валенки до колена.

- И вы были влюблены в кого-то из этих поэтов?

- Конечно. Внешне этот человек был похож на Олега Дала - одного с ним типа. Безумно талантливый.

- А как сложилась его жизнь в дальнейшем?

- Женился. У него - три сына. Он поэт. Но что меня всегда злило в них: они были старше, но не заботились о том, чтобы их стихи читала Россия. А они, эти великопленные стихи, так были бы ей нужны. Они до сих пор их там у себя в «землянках» читают, а здесь никто их не знает!

- Как вы попали в Москву?

- Девчонкой приехала из Новосибирска на какой-то семинар. И там познакомилась с Виктором Розовым, дала ему прочитать свою пьесу. И, судя по всему, очень ему понравилась. Он попросил еще что-нибудь показать, а затем сказал, что нужно поступать в институт в Москву. А мне так не хотелось... Я очень любила Новосибирск. Но в какой-то момент угадала, что мне там не дадут хода. И, как ни прискорбно было покидать своих друзей, увы, пришлось.

Это было на уровне инстинкта, понимания. Я была молода. А Москва - она огромная, и тут каждый может найти себе место под солнцем.

- Москва вас сразу приняла?

- Судите сами. Я жила в общежитии, и мне почему-то не нравилась наша вахта. Она как-то на меня набросилась, и я ей сказала, что она «свекла». А «свекла» - это не ругательство, это - моя ассоциация, связанная с «Золотым горшком» Гофмана. Это была очень

сложная ассоциация. Объяснить ход своих мыслей мне не удалось. Вспыхнул невероятный скандал. На меня стали орать в деканате. Я позвонила Розову как палочке-выручалочке и говорю, что на меня почему-то ругаются. Розов мгновенно приехал. (Представляете, нахалка какая - ему, конечно, больше нечего было делать, как только меня выручать.) «Что ты там натворила?» Я ему все честно рассказала. А он - такой аристократ, интеллигент до мозга костей. И ему в учебной части Раиса Федоровна говорит с ударением на первый слог: «Эта Саду́р! Пусть она извинится». А я кричу: «Не буду я извиняться!». И Виктор Сергеевич тоже говорит: «Мы не будем извиняться!» И мы гордо покинули стены деканата. Вместе.

Чудесная была жизнь. Это же была молодость...

- А какая пьеса принесла вам популярность?

- «Чудная баба», конечно. Помню, как Вишневская прочитала эту пьесу и сказала: «Ничего не поняла. Так не бывает. А ну-ка, прочти мне ее сама».

И я стала читать. И когда я читала, то увидела, как она выпучила на меня глаза, а потом тихо сказала после паузы: «Это же гениально!» До сих пор помню. И это был не просто «треп» - отражение этой своей пьесы я вдруг впервые увидела на лице человека. И мне самой стало не по себе.

«Чудная баба» стала моей дипломной работой. Я помню, как какой-то оппонент отказался быть оппонентом. А другой кричал, что меня надо сдать в сумасшедший дом с этой пьесой в обнимку. Вызвали кого-то из МГУ, чтобы он отрецензировал ее. А он вдруг стал «Чудную бабу» сравнивать с песней Высоцкого про двух ведьм. Но все это было совершенно из иной жизни. Я видела, что люди просто не понимают, как это новое воспринимать.

- Я помню, что когда пьеса пошла по всем театрам страны, то каждый критик стал давать свою трактовку этой вещи. А про что писали вы? Как вы ее для себя определяли?

- А никак я ее не определяла. Я мыслю образами художественными. И для меня важны только они. Я в свое время поняла важную вещь: как только художник начинает что-то логически определять, расчленять, препарировать - кончается творчество. Написанная вещь должна быть загадкой. Понимаете? Художник создает произведение другими способами, нежели философ или математик. Он не обязан определять. Ну, определю я - все пропадет, да я даже и не напишу ее. «Чудная баба» - она емкая, большая. Это такая тенька... убиенька. И вот ей, убиеньке, моя героиня Лида и попала на пути...

- А как же возник такой замысел?

- «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» Началось с того, что нас, студентов, послали в Волоколамск на уборку картошки. Я вообще люблю, чтобы меня куда-нибудь все время посылали.

Вот сейчас мы с вами сидим в гостинице в Архангельске, вернувшись с Соловков, разговариваем. И я очень благодарна судьбе, так как знаю, что увезу отсюда очень многое. Вот и тогда, на картошке, по-

мню, как сломался наш автобус в тех деревенских местах. Мы все вывалились на обочину. И видим - стоит крестьянка. И меня пронзает мысль, что у нее хорошее, обожженное солнцем лицо, но мы никогда не будем говорить на одном языке. Нас разделяет бездна! И для меня это стало потрясением, ударом в сердце. Наша разность, где мы - как два иностранца. И я с ней никогда не смогу поговорить так же, как с вами. А потом еще - это поле, осеннее, истомленное, нищее уже, голое. Вдалеке - клубящаяся синева. Рыжая полоска осеннего леса... Короче, всего этого было достаточно, чтобы я очень быстро сбежала из колхоза, чтобы засесть за письменный стол. (И правильно сделала: там все заболели гелатитом.)

Видимо, это была судьба. Сюжет стал меня преследовать.

- А как отразилась на вас эта популярность?

- Это было, как шквал, как лавина. Ко мне повалили люди со всего Советского Союза. Пьесу ставили театры по всему СССР, в каждом закутке.

- Вы написали пьесу и что потом с ней сделали? Куда отдали?

- Да в том-то и дело, что куда! Я отдала ее перепечатывать машинисткам в ВТО. А там была такая система - режиссеры, которые искали пьесу, подходили к машинисткам и у них смотрели, что есть нового.

Потом появилась пьеса «Ехай», которая сейчас уже считается хрестоматийной. Люди шли и шли, и у меня не было личной жизни - жила, как на вокзале. Я их всех ненавидела. Я тогда еще не умела отказываться. У меня в коммуналке сидели толпы каких-то незнакомых людей. И меня ненавидела вся коммуналка во Всполюном переулке.

Мой дом стоял в мистическом месте - в основании треугольника, сторонами которого являлись дома Берии, Малюты Скуратова и Патриаршие пруды. Потом я переехала на Никитский бульвар, поближе к Гоголю.

- Поблизе к классикам! Теперь, наверное, у вас роскошная квартира!

- В этом смысле меня преследует невезение. Место, где я сегодня живу, - больное. Вокруг - фирмы. Я ненавижу свой двор. Мне нужно работать, а у меня под окнами все время вопят люди, газуют машины под самые окна. И сколько я ни обращалась, чтобы мне эту «прекрасную» квартиру в центре на что-нибудь поменяли, а воз и ныне там. При чем у меня же еще и дочь Катерина - писатель. Два писателя в одной квартире.

- И Литфонд вам не выделил дачу где-нибудь в Перedelкинe!

- Я вот уже лет пятнадцать стою на очереди: сколько к господину Огневу ни обращалась, все без толку.

- Из всех постановок ваших пьес какая вам понравилась?

- Я очень люблю режиссера питерской школы Владимира Туманова, который поставил мою пьесу «Ехай» в Русском театре в Вильнюсе. Я очень люблю Анатолия Баскакова. Это уже московская школа. Он живет в Улан-Удэ и там поставил мою маленькую пьеску «Замерзли». Я познакомилась с ним во Франции, куда он привез этот спектакль.

- А как вы отнеслись к «Мистификации» Марка Захарова по пьесе «Брат мой Чичиков»?

- Вы знаете, несмотря на паломничество, которое было на этот спектакль, я могу сказать, что «Ленком» - это все-таки не мой театр, а я - не его автор. Это очень хороший спектакль, это точно. Но Марк Анатольевич мою пьесу урезал, ужал и внес свое видение...

- ...и как автор вы с этим не очень согласны!

- Конечно, у меня как у автора есть претензии, но в целом спектакль хороший.

- Ваша слава дает вам новые силы, окрыленность!

- Да ничего подобного! Слава окрыленности не дает. Окрыленность рождается творчеством. Слава меня всегда злила, утомляла. Слава - это некая форма вампиризма, которая у писателя оттягивает силы и даже высасывает его.

Елена КУРБАНОВА.

На снимке: Нина Саду́р (вторая справа) среди журналистов на Северной Двине (фестиваль «Созвездие»).